
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

А.Г. ГЛИНЧИКОВА*

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В ЕВРОПЕ: ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД?¹

Рецензия на книгу: *Веретевская А.В.* Мультикультурализм, которого не было: Анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 180 с.

Народ в своей самобытной особенности есть великая *земная сила*. Но чтобы быть силой *творческой*, чтобы принести плод свой, народность, как и всякая земная сила, должна быть оплодотворена воздействиями извне, и для этого она должна быть *открыта* таким воздействиям. Если же народная сила затворяется от этих внешних воздействий и обращается на саму себя, то она неизбежно остается бесплодной.

В.С. Соловьёв²

Проблема

«Мультикультурализм», которого не было, «социализм», которого не было, «капитализм», которого не было, «феодализм»,

* **Глинчикова Алла Григорьевна**, доктор политических наук, профессор кафедры политологии ИИиП МПГУ, e-mail: alla.glinchikova@gmail.com

Glinchikova Alla, Institute of History and Politics of Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia), e-mail: alla.glinchikova@gmail.com

¹Материал подготовлен в рамках проекта, поддерживаемого грантом РФФИ № 17-03-00644-ОГН «Гражданский и религиозный типы общности в современном политическом процессе».

²Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск первый // Соловьёв В.С. Сочинения в двух томах. Том 1. Философская публицистика. – М.: Правда, 1989. – С. 282.

которого не было. Как справедливо заметил в сходной ситуации один из персонажей булгаковского романа, «чего нихватишься, ничего-то у вас нет».

Но проблемы от таких констатаций не исчезают. И прежде всего это проблема соотношения социально-политической теории и практики. Может ли практика посрамить теорию, дискредитировать ее? Нужна ли вообще в этом случае теория, которая все равно всегда никуда не вписывается и не соответствует никакой практике? Может, не нужно никаких «измов», не нужно ставить вопросы – куда мы идем и тем более куда мы *хотим* идти? Просто просчитывать сиюминутные опции для выживания, «пока смерть не разлучит нас»? Такой «трезвый подход» в политической науке тоже существует, но автор книги «Мультикультурализм, которого не было: Анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств» думает иначе. Для нее несовпадение теории и практики в вопросе об эффективности политики мультикультурализма есть проблема, в которой очень важно разобраться.

Проблема действительно острейшая – как относиться к «другому», как сделать демократию пространством для диалога и соразвития культур, а не инструментом для аннигиляции и исключения представителей «иных цивилизаций» из политического процесса? Казалось бы, вот, найдено решение: мультикультурализм, замечательная стратегия, которая прошла успешную проверку политической практикой в государствах Нового Света... Но то, что смогло демократически консолидировать общества в Канаде, Австралии или Новой Зеландии, почему-то не сработало в демократической Европе. И все бы, может, и ничего, если бы срыв мультикультурной перспективы для Европы не обернулся резким нарастанием обратной тенденции – национализмом, традиционализмом, ксенофобией, откровенным неорасизмом. И все это во имя самого святого – во имя «сохранения корней», во имя «верности христианской традиции», даже «во имя ценностей Просвещения и гуманизма» и, разумеется, во имя защиты демократии как основной, стержневой политической ценности современной Европы.

Автора книги не устраивает подобный поворот событий, и она ставит следующие пять вопросов.

1. Что такое мультикультурализм в теоретическом плане, как сформировалась эта концепция и какие компоненты являются ба-

зовыми, определяющими для характеристики этой политической стратегии?

2. При каких конкретных условиях данная стратегия реально способна демократически консолидировать поликультурное общество?

3. Что в реальности представляла собой та политика, которая проводилась в ведущих европейских странах (Великобритании, Франции и Германии) под лозунгами мультикультурализма?

4. Почему провал этой политики не может быть основанием для дискредитации принципов мультикультурной стратегии, а скорее дает повод для ее уточнения и углубления?

5. В каком направлении возможно развитие теории мультикультурализма и какие проблемы предстоит решать на этом пути как политической теории, так и политической практике.

Двигаясь вслед за автором от вопроса к вопросу как по ступенькам исследования, мы можем в целом воспроизвести ее концепцию.

Концепция

Основные черты концепции могут быть сформулированы следующим образом. Поскольку под влиянием глобализации современные общества становятся все более и более поликультурными, то возникает настоятельная необходимость выработки новой стратегии и тактики формирования политического консенсуса относительно «общего блага». Сложность и новизна проблемы состоят в том, что речь идет о согласовании разных индивидуальных и групповых интересов не просто в рамках более-менее единой цивилизационной парадигмы, как это было раньше в христианской или постхристианской Европе, а в рамках столкновения различных цивилизационных парадигм, находящихся, кроме всего прочего, еще и на разных уровнях развития цивилизационного времени, когда христианский и постхристианский модерн встречаются, скажем, с исламским предмодерном. (с. 16)¹. В этих условиях чисто процессуальные и институциональные принципы либеральной демократии оказываются недостаточными для интеграции общества

¹ Здесь и далее в скобках – ссылки на страницы рецензируемой монографии.

и должны быть реконструированы с учетом новой политической стратегии, получившей название мультикультурализма. Под этим термином понимается одновременно «поддержка этнокультурного разнообразия и политика включения, проводимая в отношении этнокультурных меньшинств» (в Канаде и Австралии), и «политика поддержки особой культурной идентичности иммигрантов» (в Европе), и «политика сохранения и поддержки коренных народов» (в странах Латинской Америки) (с. 17). Однако не следует смешивать гетерогенность общества как таковую и собственно политику мультикультурализма. Вслед за Б. Парекхом автор говорит о том, что «общество следует называть мультикультурным, если многообразие в нем признается ценностью и поддерживается (в том числе и политически – посредством особых принципов и механизмов управления)» (с. 34). В этом смысле мультикультурализм непосредственно связан и с характером проводимой политики, и с доминирующим типом политической культуры. Для поиска более универсального определения сущности этой политики автор последовательно рассматривает этапы развития теории мультикультурализма начиная с 70-х годов прошлого века, дискуссию «либералов» (У. Кимлика и др.) и «коммунитаристов» (Ч. Тейлор и др.), анализирует работы таких теоретиков «второй волны» начала 2000-х, как Б. Парекх и Т. Модуд и др. И затем обращается к анализу реального и успешного опыта мультикультурной политики на примере Канады. В итоге основной вывод первой части книги звучит следующим образом: мультикультурализм есть политика, включающая в себя следующие основные компоненты.

1. Осознание важности культурной составляющей в социальной и политической жизни личности и общества.

2. Равное включение представителей всех культурных групп общества в общественную жизнь, обеспечение доступа к участию в определении общего блага.

3. Взаимное признание необходимости частичной добровольной культурной трансформации ради достижения политического консенсуса по поводу общего блага.

4. Восприятие широкого полиформатного мультикультурного диалога (полилога) как наилучшего способа достичь легитимного мультикультурного компромисса (с. 100).

Во второй части исследования автор приступает к детальному анализу тех стратегий, которые применялись в отношении пре-

имущественно иммигрантских сообществ в Великобритании, Франции и Германии под лозунгами мультикультурализма и в итоге привели к дискредитации последнего, что во многом обусловило консервативный поворот в нынешней европейской политике. Проведенный автором анализ приводит к парадоксальному на первый взгляд выводу о том, что широко разрекламированный консерваторами-националистами «провал мультикультурной политики» в Европе есть в лучшем случае заблуждение, а в худшем – неизбежное следствие симуляции этой политики и стратегии. В отношении иммигрантских сообществ в этих странах, как полагает автор, «мультикультурализм» представлял собой лишь разного рода уступки, призванные снизить остроту протеста их представителей против отсутствия у них реальных возможностей полноценно участвовать в политической жизни, т.е. участвовать в определении будущего государства, в котором живут они и их дети.

Любопытно, что при всем сходстве конечного результата правящие круги каждой из этих стран при осуществлении стратегии симуляции мультикультурной политики использовали особенности «национальной» политической культуры. Так, в Великобритании лозунги «мультикультурализма» употреблялись лейбористами преимущественно для усиления своей электоральной базы за счет проблемной иммигрантской аудитории (с. 144). Во Франции фактическое исключение инокультурных меньшинств из процесса определения общего блага осуществлялось под эгидой «универсальных» политических принципов французского Просвещения, предполагавших «жесткое разделение между общественной и частной сферами» (с. 147). Наконец, в Германии явно или неявно представленный в массовом сознании и активно поддерживаемый истеблишментом принцип *jus sanguinis* (буквально «право крови»), исторически связывавший право на гражданство с этнокультурными характеристиками, позволил под видом «мультикультурализма» проводить политику мягкой сегрегации, направленной на поддержание привилегий этнических немцев относительно гастарбайтеров как в экономической, так и в политической жизни (с. 124).

Вывод автора: европейский опыт не может служить дискредитации политики «мультикультурализма» просто потому, что эта политика не применялась в Европе в своих существенных и определяющих компонентах, а лишь использовалась как модное при-

крытие, как уступки, призванные снизить остроту проблемы и обеспечить политические дивиденды в избирательной борьбе.

Идеи работы

Представленная в работе концепция целостна и оригинальна, однако интерес представляют также и ряд отдельных идей автора, которые призывают читателя к дальнейшему размышлению. Первым из таких интересных моментов, затронутых в книге, является проступающий в тексте тезис об органической связи секулярного европейского Модерна с историческим европейским типом религиозности. Эта идея по существу взрывает устоявшееся представление об универсальной приемлемости тех секулярных форм и лозунгов, в которых воплощается западный вариант политического Модерна. И действительно, если кантовская система морали и связанная с ней политическая культура европейского общества есть в определенном смысле не просто отрицание, а продолжение и развитие христианской традиции, то становится понятно, почему этот «культурный продукт» оказывается не вполне органичен для общества, вырастающего из других форм религиозного сознания.

Это, в свою очередь, рождает новую интересную идею о том, что система ценностей не есть просто фактор сознания или продукт его трансформации. Для ее принятия недостаточно понимания важности и полезности ценностей и даже их абстрактной справедливости «для людей вообще». Система ценностей всегда есть продукт эволюции социальной практики конкретного общества и усваивается она не просто сознанием, а через привыкание людей к ежедневному использованию составляющих ее суть принципов повседневной жизни. Такое привыкание возможно лишь в том случае, если окружающая людей экономическая и социальная реальность соотносима с обозначенными принципами. Следовательно, чтобы система ценностей была эффективной и приемлемой для той или иной части общества, она должна быть соотносима не только с абстрактными представлениями о добре и зле, но с ежедневной жизненной практикой людей, в частности, с их религиозной традицией (если она для них важна). Поэтому, коль скоро и до тех пор, пока сохраняется ситуация, когда в одной и той же стране могут жить люди, фактически находящиеся на разных этапах со-

циально-экономического развития и черпающие свои нравственные установки из разных форм религиозного и пострелигиозного опыта, никто не может и не должен претендовать на то, чтобы система ценностей, выраженная в форме органичной для одной части общества, была признана универсальной и тем более навязывалась всем в качестве таковой.

Дело вовсе не в том, что одним с культурной точки зрения «подходят» «права человека», а другим – только «самодержавие, православие, народность», а в том, что «права человека» должны найти адекватное выражение, органично связанное с типом индивидуализации, характерным для православного, мусульманского, буддистского и др. типа религиозности и уже в *такой форме* стать важным компонентом модернизации политической культуры, быта и практики соответствующего общества.

Западная система ценностей, к примеру, действительно имеет большое значение для всего мира, однако ее освоение не сводится к пониманию того, из чего она состоит. А если мы хотим «использовать» ее целиком или частично для своего общества, то важно помнить, что требуется *социальный перевод ее на язык нашей культуры*, перевод, который будет рождать и новые формы ее воплощения, и собственные органичные практики и институты, основанные на этих подходящих для *нашего* общества новых формах морали.

Третья важная идея – идея об ограниченности и, *в этом смысле*, неуниверсальности самого западного ценностного горизонта. Трудно спорить с Хабермасом, который восклицает, что ничего лучше, чем западная система ценностей, на которой базируется принцип «прав человека» и демократии, на сегодняшний день не существует, и альтернативой кантовским принципам морали может быть только постмодернистский аморализм, а альтернативой демократии – только деспотия в разных формах¹, однако важно осознавать, что принцип прав человека в одной культуре может сочетаться с правом носить хиджаб и иметь трех жен, а в другой –

¹ «Universalist egalitarianism, from which the autonomous conduct of life and emancipation, the individual morality of consciousness, human rights and democracy is the direct legacy of the Judaic ethic of justice and Christian ethics of love. This legacy, substantially unchanged has been the object of continual critical reappropriation and reinterpretation. Up to this very day there is no alternative to it. Everything else is an idle postmodern talk [Habermas, 2002, p. 148].

нет. Кант, к которому обращается Хабермас, со своим категорическим императивом в целом вполне универсален, только разное *содержательное наполнение* этой нормы в *разных культурах* начинает препятствовать ее практической применимости, когда мы выходим *за границы европейской культурной ойкумены* и вступаем в новую эпоху глобального «столкновения цивилизаций». Значит ли это, что диалог невозможен, возможны только сегрегация или ассимиляция (либо жесткая, как у консерваторов, либо мягкая, как у толерантных либералов)?

Автор полагает, что существует еще один вариант – уважительное соразвитие, изначально признающее взаимную ограниченность и стремление не «вернуться к собственным корням», а вместе сделать усилие и выйти на более широкие горизонты взаимодействия. Применительно к тем же правам человека речь должна идти о ценности каждого человека, недопустимости лишения его морального суждения и моральной ответственности, равноценности людей и праве каждого следовать этим нормам свободно – эти ценности есть в любой религии, в любой культуре, и на них надо опираться и искать точки соприкосновения в политике. К слову сказать, любая (и христианская в том числе) традиция содержит и набор противоположных ценностей: человек – это прах, его миссия – подчинение и слепая вера, отказ от морального суждения и личной ответственности за свои действия, готовность принять на себя роль средства для достижения «великих целей».

Процесс «соразвития» не должен сводиться к международным конференциям, фольклорным фестивалям и формальным призывам к толерантности. Здесь возникает еще одна важная тема, затронутая в этой книге, – это тема политических и экономических интересов, которые сталкиваются сегодня вокруг проблемы поликультурности, использования лозунгов мультикультурализма в качестве неких симулякров для достижения узких экономических и политических целей. А.В. Веретевская обращает внимание на то, что так называемый «провал политики мультикультурализма» в Европе на самом деле был спровоцирован теми силами, которые изначально не были заинтересованы в выравнивании социально-экономического пространства и формировании условий для культурного диалога-соразвития ни в Европе, ни в мире в целом. Автор детально рассматривает конкретные схемы использования лозунгов «мультикультурализма» во Франции, Великобритании и Гер-

мании для дискредитации идеи «соразвития», а также выявляет их роль в подготовке консервативного поворота в политике Европы в конце первой декады нашего века. Невольно напрашивается параллель между логикой симуляции демократии и логикой симуляции мультикультурализма, симуляций, в обоих случаях приведших к торжеству принципов национализма, традиционализма и консервативных установок в политике.

Среди интересных аспектов можно было бы отметить и то, как автор затрагивает проблему цивилизационного времени. Анализируя тему транскультурных отношений, с легкой руки С. Хантингтона мы привыкли обращать внимание прежде всего на различие цивилизационных предпосылок, уходящих корнями в религиозное разнообразие современного мира. Но это разнообразие при правильном к нему отношении, наоборот, открывает новые возможности для выхода из тупиков, в которые время от времени заходит любая культура или цивилизация. Настоящая, действительная проблема – это разница цивилизационного времени, когда в рамках одной и той же социально-политической системы соединяются культуры модерна и предмодерна в виде значительных общественных групп, живущих по существу в разных цивилизационных эпохах и при этом призванных взаимодействовать посредством общих политических институтов.

Пожелания на будущее

Адекватное понимание причин и механизмов симуляции мультикультурализма в Европе, безусловно, важно, однако проблема, которая стоит перед нами, вероятно, гораздо шире. Даже взятый в самом «чистом» канадском варианте своего воплощения мультикультурный подход остается ограниченным. Не будем забывать, что успешный канадский опыт совместного «конструирования общего блага» в основном был направлен на организацию диалога относительно близких цивилизационных сегментов (английского и французского), имеющих хотя и различный по форме, но общий по истокам христианский тип религиозности... Попытки практического применения теории мультикультурализма (понятно, что рассматривать нужно истинные такие начинания, а не симуля-

кры) в более гетерогенной в культурном плане среде все же вызывают известные сложности.

Дело в том, что мультикультурный подход, как и вся политология в целом в том виде, в котором мы имеем ее сегодня, есть в основе своей дитя англосаксонского нормативного и методологического направления философии. Ограниченность концепции мультикультурализма, как и всех основных форм и разновидностей либеральной идеологии, не может быть преодолена без выхода за пределы этой достаточно узкой методологической и нормативной перспективы. Даже Хабермасу и Деррида узко в этих рамках [см.: Habermas, Derrida, Borradori, 2003, p. 128], что же говорить о представителях индийской или китайской традиций. Кстати, не случайно наиболее интересные идеи о поликультурном диалоге как соразвитии высказывают именно авторы, имеющие наряду с англо-американскими и иные социокультурные корни (такие, как Парекх [Parekh, 2006] и Модуд [Modood, 2007]). Думается, что и уникальный российский опыт тоже может и должен внести свой важный вклад в расширение границ поликультурного дискурса и преодоление ограниченности концепции мультикультурализма.

Список литературы

- Веретевская А.В.* Мультикультурализм, которого не было: Анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 180 [1] с.
- Habermas J., Derrida J., Borradori G.* Philosophy in a time of terror. Dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida. – Chicago: Univ. of Chicago press, 2003. – 224 p.
- Habermas J.* Religion and rationality. Essays on reason, God, and Modernity / Ed. by E. Mendieta. – Cambridge: Polity press, 2002. – 184 p.
- Modood T.* Multiculturalism. A civic idea. – Cambridge: Polity press, 2007. – 193 p.
- Parekh B.* Rethinking multiculturalism: Cultural diversity and political theory. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. – 424 p.